

Когда солнце село и начали мерцать звёзды, на плато Велия зажгли несколько костров, освещая наступившую ночь.

Вокруг нас в кучу были свалены тела мёртвых муравлюдов, а голоса солдат, кричащих в агонии, отдавались низким эхом.

Раненых солдат перевозили и лечили во временно обустроенном лагере. Мало кто не был ранен, у всех были раны, от мало до велико, и всех перебинтовали.

— Ромелия, приём солдат завершён. Число погибших — тридцать три человека, тяжелораненых — около семидесяти. Вот список погибших, а вот список тяжелораненых.

Учитель Верри составил отчёт о потерях.

33 погибших. После этого потери будут только увеличиваться.

Учитывая, что мы имели дело с почти двумя тысячами врагов, можно сказать, что мы понесли незначительный урон. По первоначальному расчёту их должно было быть вдвое больше. Это произошло только благодаря упорному труду солдат.

Однако числа не имеют значения. Независимо от того, насколько мал нанесённый ущерб, погибшие отдали свою единственную жизнь.

Когда я думаю о тех, кто умер, я чувствую, как у меня щемит в груди и утрату, как будто я падаю.

Это я привела их сюда, это я сказала им сражаться. Так что вся ответственность лежит на мне.

— Ромелия.

Учитель попытался утешить меня, но я подняла руку и отказалась от его утешительных слов.

— Всё хорошо.

Если вы будете сражаться, будут потери. Я знала это с самого начала. То же самое было и с солдатами. Они тоже стояли на поле боя, готовые к смерти. Чрезмерное оплакивание смертей было бы осквернением их решимости.

— Битва выиграна. Когда раненых вылечат, давайте поедим. Подайте им сегодняшнюю трапезу, не скупясь. Я также разрешу им немного алкоголя.

С наступлением ночи смертей будет только больше, но те, кто выживет, должны радоваться.

— Хорошо, давай пустим в ход всех овец, которых мы привели с собой. Алкоголь вреден для ран. Я, конечно, скажу им, чтобы они были полегче с выпивкой, но послушают ли они меня?

Учитель почесал голову и высказал это, но потом внезапно поднял голову и перевёл взгляд налево.

Я тоже туда посмотрела и увидела группу рыцарей в доспехах, приближающихся к нам. Во главе группы стоял Харди из семьи Достра, мужчина с аккуратной бородой.

— Ещё раз приветствую вас, леди Ромелия. Я барон Харди из Дома Достра.

Рыцарь сделал почтительный поклон.

— Благодарю вас за помощь в сражении, рыцарь Харди. Я также от имени всего войска благодарю вас за помощь в лечении наших раненых солдат.

Харди помогает нам исцелять и восстанавливать раненых. Чем больше у нас будет целителей, тем больше жизней мы сможем спасти. У нас с ними такие отношения, которые с трудом можно назвать союзническими, но наши войска взаимно уважительны друг к другу.

— Спасибо за ваши добрые слова.

Харди снова поклонился и теперь уже посмотрел на учителя Верри.

— А вы должно быть Верри из Дома Никколо. Мы встречаемся с вами впервые. Ваша прежняя тактика была поистине блестящей.

Харди склонил голову, а учитель Верри перевёл взгляд на меня.

— Да уж, давно меня не звали по фамилии.

Дом Никколо, в котором родился учитель, низкого происхождения. Однако учитель был настолько блудливым сынком, что от него практически отреклись, отчего он чувствовал себя неловко.

— Рыцарь Харди, спасибо, конечно, вам за комплимент, но это не я командовал на этом поле боя.

Учитель отрицал это как отрезал.

— Правда? Но... ни в коем случае!

Харди удивлённо посмотрел на меня.

— Я присутствую здесь как военный командир, это так, но только как помощник. Именно Ромелия приняла на себя общее командование.

Когда учитель посмотрел на меня, Харди потерял дар речи. Он не мог поверить, что женщина может вести войска. Кроме того, в то время я была сама не своя.

Как только битва закончилась, то чувство исчезло.

Для меня это было загадочным явлением. Мне казалось, что всё поле боя было у меня на ладони.

Но я не знаю, что вызвало у меня это чувство.

— Значит, это тоже правда, что солдат, возглавлявший ту кавалерию, — простолюдин?

— Ага, это правда. Скажу больше, те ребята — новобранцы, завербованные в армию в этом году. Их обучила Ромелия.

Глаза Харди расширились в неверии.

Но было бы некорректно говорить, что это я их обучила. Я не сделала ничего особенного. Скорее, солдаты сами стали сильнее.

— Если думаете, что это ложь, спросите их сами. Я вас представлю. Мы сегодня будем подавать им алкоголь, так что можете повеселиться. Ромелия, ты же не против?

— Нисколько. Пожалуйста, пригласите и его подчинённых.

Они также сражались на нашей стороне, поэтому они имеют на это право. Учитель быстро отвёл Харди в сторону.

Надо подумать о том, что делать с Харди после этого. Я бы хотела выиграть немного времени, но, судя по тому, как он упорствует, он кажется таким человеком, который делает свою работу. Я не знаю, как мне быть, потому что на нём не работают уловки.

Это стало для меня головной болью, но я быстро переключила своё внимание. Сейчас нужно думать о текущей проблеме.

Я слегка выдохнула, затем сделала вдох и взяла себя в руки. То, что я собираюсь сделать сейчас, — это более трудная работа, чем снова вступить в битву.

Я пошла на окраину лагеря, который соорудила, — на участок, где собрали раненых.

Вокруг были разложены полотнища, а на земле лежали раненые. Те, кто знал, как их лечить, ходили среди них, промывая их раны чистой водой и перевязывая их тканью.

Они третьи в составленной мною классификации.

Это те, чьи травмы относительно лёгкие и чьё состояние можно стабилизировать, например, остановив кровотечение. Было проверено, что они не погибнут, если их в какой-то степени подлатают, поэтому их лечение у целителей отошло на второй план.

Я пошла дальше, одновременно с этим выражая слова благодарность пострадавшим людям.

В дальней части около пятидесяти солдат лежали на земле, крича от боли и агонии. Целители сновали между ними, отчаянно продолжая их лечить.

Когда целитель держал руку над кровоточащей раной, появлялся белый свет, кровотечение остановилось, и рана закрылась.

Это были тяжелораненые, классифицированные под вторым номером. Из-за тяжести их травм, если их не лечить, это может привести к летальному исходу, поэтому четыре целителя борются здесь, чтобы помочь вылечить их.

— Кальман.

Я окликнула Кальмана, который отвечал за оперирование.

— Госпожа Ромелия, спасибо, что пришли. Эй, народ, здесь госпожа Ромелия.

Кальман обратился к раненым, пока им оказывали помощь.

Страдающие солдаты приподнялись, посмотрели на меня и сменили болезненные выражения на улыбочивые.

— Вы всего сегодня достойно сражались. Я никогда не забуду ваши деяния. Отдохните сегодня и хорошенько залечите свои раны.

Солдаты ожили, когда я обратилась к ним.

Я поговорила с каждым из них, хотя и коротко. Когда я общалась с ними, у раненых солдат, которые по всем признакам были тяжело ранены, хватило сил говорить, что это всего лишь царапины.

— Спасибо вам, госпожа Ромелия. Раненым приятно, когда вы приходите вот так.

Когда я закончила общаться с ними, Кальман склонил голову. Но разве я так только не мешаю?

— Вот как? Но разве они не делают это через силу?

Я, конечно, ценю, что они пытаются показать себя с крутой стороны, но, возможно, они просто заставляют себя тратить лишнюю энергию.

— Что вы, вовсе нет. Если вы немного поговорите с ними, то взбодрите их. Начнём с того, что у вас должна быть бодрость духа, чтобы жить, потому что именно это и разделяет жизнь и смерть.

Кальман сказал мне, что моя поддержка спасает несколько жизней.

— А с тобой-то всё хорошо?

На лице Кальмана читалось выражение усталости. Должно быть, у него не было времени на отдых после окончания битвы.

— Я в порядке. Двое людей из отряда Харди пришли к нам на поддержку. Здесь те, кто никогда не повернутся спиной.

Несмотря на усталость, Кальман лих в своих словах.

Безусловно, ловкость Кальмана выделяется.

Именно он первым быстро распределял и поделил пациентов по классификациям. Даже сейчас он первым остановил кровотечение и стабилизировал состояние всех пациентов, а уже потом по порядку начал лечить наиболее тяжелораненых.

С такими темпами, возможно, здесь не будет смертей.

— Куда сильнее меня беспокоит Миа.

Миа находится дальше этого места. Она находится дальше, среди тех, кому отдают высший приоритет.

— Я пойду посмотрю. Рассчитываю на тебя.

— Конечно, положитесь на меня.

Я оставила ситуацию на усмотрение Кальмана и пошла в дальнюю часть.

Около 20 раненых были доставлены туда из первого пункта классификации.

Здесь не было слышно криков. Слышны только хриплые дыхания. Травмы были настолько серьёзными, что у них не осталось сил даже на крик.

У некоторых из тел торчали внутренние органы, у других были раздроблены половины голов. Другие были настолько глубоко ранены и потеряли так много крови, что стали белыми, как бумага.

Два целителя лечили пациентов. Миа и ещё один целитель.

Когда Миа закончила лечить одного пациента, она встала и собиралась перейти к следующему. Она уже было встала, но её ноги пошатнулись, и она чуть не упала. Я быстро поддержала её.

— Ты в порядке, Миа?!

— Госпожа Ромелия? Ничего, всё хорошо.

Миа встала на ноги.

— Внимание, прибыла госпожа Ромелия.

Миа обратилась к спящим пациентам, но лишь немногие откликнулись на её голос. Они даже не слышали её голоса.

— Я должна идти к следующему пациенту.

Миа шатающейся походкой попыталась перейти к следующему пациенту.

— Миа, отдохни.

Я заставила её сесть и сказала, чтобы она передохнула. Лечить тяжелораненых очень сложно. Это требует глубокого знания человеческого тела и высокой степени целительской силы. Приходится прилагать ещё больше усилий, и после лечения всего нескольких человек

наступает истощение.

Я бы хотела позвать Кальмана, но у него и своих дел по горло. К тому же, обычное лечение не вылечит их.

Это связано с тем, что около половины лежащих тут людей получили настолько глубокие раны, что они не поддаются лечению.

Если у вас нет такого человека, как Элизабет, которая известна как святая, то при слишком больших травмах им не помогут даже техники исцеления.

— Но, госпожа Ромелия, я должна идти. Я не могу отступить первой.

Миа попыталась встать.

Начиная с этого момента, шли четвёртые по классификации. Это были не болезненные стоны, а рыдания по поводу смерти друзей и боевых товарищей.

Они уже умерли, и мы ничего не можем с этим поделать.

Не желая позволить кому-либо из них умереть, Миа попыталась встать, но я остановила её.

Миа добрая. Возможно, она беспокоится о тех, кто не получает лечения.

— Отдохни немного.

Я заставляю её заниматься тяжёлой работой.

Я распорядилась лечить не самых тяжелораненых, а тех, у кого относительно лёгкие травмы.

Лечение тяжелораненых занимает больше времени, и зачастую они не выживают.

Приоритетом было не спасение умирающих, а спасение тех жизней, которые можно было спасти.

Это моё решение и мой приказ. Это то, что я должна делать.

— Эм, госпожа Ромелия. Простите...

Когда Миа пошла на отдых, ко мне подошли два солдата. Я не знаю имён этих солдат, но на их лицах было печальное выражение.

— Хорошо, куда?

Я поняла, что происходит и о чём меня попросят, даже не дожидаясь их ответа.

Я встала и позволила им провести меня к нему.

Двое солдат подошли к одинокому солдату, лежащему на земле.

На его груди было несколько ран, а всё тело залито в крови. Его лёгкие были проколоты, и он не мог нормально дышать, из его рта вырывался звук, похожий на свист ветра.

— Эй, Ран, очнись, Ран! Это госпожа Ромелия, госпожа Ромелия здесь.

Солдат, который привёл меня, потряс тело своего друга и позвал его по имени.

В ответ на голос называемый солдат открыл глаза, вздрогнув.

— Ран, ты меня слышишь?

Я опустилась перед ним на колени и заглянула ему в лицо. Сначала он, казалось, не понял, кто я, но через некоторое время понял, распахнул глаза и попытался что-то сказать. Но не смог заговорить и закашлял кровью.

— Спокойно, не нужно заставлять себя. Ты же в курсе? Мы выиграли эту битву. Мы победили благодаря тебе. Ты был в отряде Грана, я видела, как ты сражался в тылу левого фланга.

Глаза Рана удивленно распахнулись, и двое солдат на его стороне тоже переглянулись.

Разумеется, это ложь. Я не могу запомнить, где был размещён каждый, и никак не могла видеть, как они сражаются. Когда я увидела список, который составил для меня учитель Верри, я просто запомнила имена, назначение и их дислокацию.

В глазах Рана стояли слёзы, он протянул свою руку, словно в поисках чего-то. Я взяла его руку обеими своими и притянула её поближе.

— Ран, благодаря твоим успехам мы одержали победу в битве. Я счастлива, что у меня есть такой солдат, как ты.

Я человек, который постоянно лжёт, но эти слова не были лживыми. Он буквально отдал свою жизнь, чтобы бороться за мои эгоистичные идеалы. Для меня же это пустая растрата солдата.

— Ах, Роме..... спа, си..... бо...

Ран также издал рыдающий голос и его вырвало кровью. Капли крови брызнули мне на лицо, но мне было всё равно.

Внезапно я почувствовала, как сила уходит из руки Рана. Я крепче сжала его руку.

Но как бы сильно я ни сжимала его руку, я знала, что его жизнь ускользает.

Как бы сильно я её не удерживала, она исчезает.

Я чуть не заплакала, но сдержалась. Не плачь, улыбайся, улыбайся.

— Ты устал? Отдохни. Ты хорошо сражался.

Когда я заговорила с ним, как мать, Ран успокоился и закрыл глаза, как будто забыл о боли.

Рука, которую я держала сразу после этого, внезапно стала тяжёлой, и я поняла, что жизнь вытекла из неё.

Я закрываю глаза и тихо медитирую.

Я почти проронила слезу, но я не должна плакать.

Что они не хотят от меня, так это видеть, как я проливаю слезы, словно маленькая девочка.

Я попросила их играть роль солдат, поэтому я должна играть ту роль, которую они от меня хотят.

Всезнающий абсолют, совершенный командир, который никогда не совершает ошибок. И быть святой, которая всё облекает.

Им нужно дать почувствовать, что они сражаются и умирают за того, кто заслуживает того, чтобы рисковать своей жизнью.

Я обязана придать их смерти большой смысл.

Потому что это единственное, что я могу сделать.

В тот день я решила отказаться от восьми солдат.

<http://tl.rulate.ru/book/69340/2003607>